
ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО
И ГУМАНИТАРНЫЙ СЕКТОР:
РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА

Москва
Институт экономики РАН
2023

ББК 65в6; 65.05
УДК 338.2; 338.24

Государство, общество и гуманитарный сектор: результаты экспертного опроса / Под ред. Н.А. Буракова, О.А. Славинской. Препринт. — М.: Институт экономики РАН, 2023. — 48 с.

Настоящий доклад состоит из двух глав. В первой главе описываются история интеграции социологических исследований в экономическую науку, а также их роль и особенности методологии. Даны характеристики участников социологического опроса экспертного сообщества экономистов. На основании анализа проведенного анкетирования делается вывод, что выборка из 700 экспертов-экономистов из 95 российских и 13 зарубежных городов, ответивших на вопросы анкеты, с большой вероятностью является репрезентативной.

Во второй главе обсуждаются проблемы развития гражданского общества, его отношения с государством в условиях рыночной экономики, социальные функции и модели патерналистского государства, а также возможности восстановления «иммунной системы» социума. Изучается мнение респондентов по поводу основных проблем гуманитарного сектора, в частности, связанных с оценкой нематериальных активов, особенностями оплаты творческого труда в сфере культуры, публикационной активностью, совершенствованием системы профессионального образования, а также с особенностями функционирования и финансирования медицинских организаций.

Ключевые слова: гражданское общество, гуманитарный сектор, патерналистское государство, провал общества, культура, наука, образование, здравоохранение.

Классификация JEL: A14, B23, B41, H41, I1, I2, Z1.

State, society and humanitarian sector: results of the expert survey / Ed. by N.A. Burakov, O.A. Slavinskaya. Preprint. — M.: Institute of Economics, RAS, 2023. — 48 p.

This research report consists of two chapters. The first chapter describes the history of integration of sociological research into economic science, as well as its role and features of methodology. The description of the characteristics of the participants of the sociological survey economists of the expert community of economists is presented. Based on the analysis of the conducted questionnaire it is concluded that the sample of 700 expert economists, from 95 Russian and 13 foreign cities, who answered the questions of the questionnaire, with a high probability, is representative.

The second chapter discusses the problems of civil society development, its relationship with the state in a market economy, social functions and models of the paternalistic state, as well as the possibilities of restoring the "immune system" of society. The respondents' opinion on the main problems of the humanitarian sector is studied, among which the assessment of intangible assets and the peculiarities of payment for creative labour in culture, the problems of publication activity, the system of professional education, as well as the peculiarities of functioning and financing of medical organizations play a central role.

Keywords: civil society, humanitarian sector, paternalistic state, failure of society, culture, science, education, health care.

JEL Classification: A14, B23, B41, H41, I1, I2, Z1.

© Коллектив авторов, 2023
© Институт экономики РАН, 2023
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Социологические исследования в экономической науке.....	6
1.1. Роль социологических опросов в экономических исследованиях.....	6
1.2. Общие характеристики участников интернет-опроса	11
Глава II. Проблемы гуманитарного сектора	15
2.1. Провалы государства и общества.....	15
2.2. Общество и культура	18
2.3. Наука и публикационная активность	25
2.4. Роль высшего образования в обществе.....	29
2.5. Современные проблемы здравоохранения.....	34
Заключение	41
Литература	43

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий научный доклад подготовлен в соответствии с государственным заданием «Эволюционная теория государственного патернализма: общественный выбор, институты и гражданское общество»¹. В нем представлены результаты второй части заключительного года трехлетнего исследования, направленного на разработку теоретико-методологического подхода к созданию концепции «Провал общества». Задачей этой части исследования является тестирование предложенного подхода на основе социологической информации.

В экспертном интернет-опросе «Первый социологический опрос экспертного сообщества экономистов» (I волна), проходившем в период с 10 апреля по 20 июня 2023 г., приняли участие члены Новой экономической ассоциации. Интернет-опрос (II волна) осуществлялся в более короткий период – с 21 июня по 20 июля 2023 г., и охватил участников «РЭК–2023», чьи доклады по итогам рецензирования были включены в программу Пятого Российского экономического конгресса. Всего в результате социологического опроса экспертов с апреля по июль 2023 г. было отобрано 700 полностью заполненных анкет – 450 членов НЭА (I волна) и 250 участников «РЭК–2023» (II волна).

1. Научные руководители исследования по теме государственного задания на 2021–2023 гг. (№121022400075–6) А.Я. Рубинштейн, Р.С. Гринберг, А.Е. Городецкий.

Настоящий проект «Социологический опрос экспертов-экономистов» разработан под руководством А.Я. Рубинштейна и Н.А. Буракова. Вся программная часть проекта, включая создание соответствующей базы данных и разработку алгоритмов обработки социологической информации, выполнена Н.А. Бураковым.

Анкета первого экспертного опроса является результатом коллективной работы, в которой приняли участие: О.И. Ананьин, М.Е. Баскакова, Н.А. Бураков, М.И. Воейков, О.А. Кислицына, О.А. Славинская, И.В. Соболева, Ю.Г. Павленко, А.Я. Рубинштейн, Т.В. Чубарова (Институт экономики РАН), А.А. Аузан (экономический факультет МГУ им. Ломоносова, Институт национальных проектов), Л.И. Якобсон (Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ), А.А. Ушкарев, Е.А. Хаунина (Государственный институт искусствознания).

Таблицы с соответствующими номерами, указанными в докладе, вместе с анкетой опубликованы на сайте «Журнала Новой экономической ассоциации» в разделе «Препринты».

Доклад подготовлен авторским коллективом Института экономики РАН:

- Введение — Н.А. Бураков, А.Я. Рубинштейн, О.А. Славинская
- Глава 1 — Н.А. Бураков, О.А. Славинская
- Глава 2, п. 2.1 — А.Я. Рубинштейн
- Глава 2, п. 2.2 — Н.А. Бураков, О.А. Славинская
- Глава 2, п. 2.3 — А.Я. Рубинштейн
- Глава 2, п. 2.4 — И.В. Соболева
- Глава 2, п. 2.5 — О.А. Кислицына, Т.В. Чубарова
- Заключение — Н.А. Бураков, А.Я. Рубинштейн, О.А. Славинская

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

1.1. Роль социологических опросов в экономических исследованиях

Экономическое наблюдение является одним из методов экономических исследований. Существуют различные типы экономических наблюдений, в том числе интервьюирование, анкетирование, анализ документов, контент-анализ и мониторинг. В рамках данного исследования особое внимание уделяется анкетированию как ключевому элементу социологического опроса. Однако среди экономистов сложилась некая традиция с осторожностью и недоверием относиться к социологическим исследованиям как к источнику эмпирических данных.

Отметим, что данный метод все чаще используется в экономической науке как отдельными исследователями, так и международными организациями (*Kaiser, Oswald, 2022*). В работе (*Бакеев, Лола, 2023*) подробно разбирается эволюция отношений экономистов к опросам-самоотчетам, в том числе выделяются основные методологические барьеры и способы их преодоления. При этом вопрос о целесообразности и возможностях применения экономистами опросных данных исследовался в ряде работ, где в исторической плоскости изучались проблемы методологии (*Avtonomov V., Avtonomov Y., 2019; Edwards, 2012a, b*).

Важно отметить, что скептическое отношение к опросам ярко проявилось в первой половине XX в. — в известном споре

Р. Лестера и Ф. Махлупа (*Lester, 1946, 1947; Machlup, 1946, 1947*), а также во влиятельной методологической статье М. Фридмана (*Friedman, 1953*). Ключевым аргументом состоял в том, что экономические агенты интерпретируют свое поведение вне и без согласования с экономической моделью, что приводит к отрицанию значимости таких результатов. Фридман также отрицал релевантность опросов-самоотчетов при тестировании предпосылок теории. Дополнительными аргументами против применения опросов являлись: убежденность в том, что у респондентов нет стимула к честному и вдумчивому ответу (*Blinder, 1991*); их зависимость от формулировки вопроса и несогласованность между собой (*Desvousges et al., 1993*). В результате развивался скепсис среди экономистов в отношении данных, полученных в результате опросов (*Shiller, 1991*). Однако Т. Майер считал, что такое пренебрежение со стороны экономистов скорее обусловлено соперничеством с другими социальными науками, в которых результаты социологических опросов получили более широкое применение (*Mayer, 1993*).

Данный скепсис не касался только тех опросов, в рамках которых респонденты сообщали информацию о своей прошлой или текущей экономической жизни, так как такие данные косвенно соответствовали внешне наблюдаемому поведению, т. е. количеству купленных товаров, доходов и расходов и др. (*Boulier, Goldfarb, 1998*). При этом к использованию опросов-самоотчетов прибегали при решении прикладных задач или если это было обусловлено некой теоретической концепцией.

Вместе с тем, несмотря на такие настроения, уже во второй половине XX в. некоторые экономисты начали активно использовать результаты социологических исследований. Ярким примером полноценного применения метода опроса в эмпирическом экономическом анализе является работа Дж. Катона (*Katona, 1951*). В ней автор доказывал, что важно анализировать текущее состояние потребительского настроения в призме общего оптимизма или пессимизма по отношению к экономической ситуации в стране. Следом, в 1959 г., уже спонсируются исследования в отношении покупательских намерений по отдельным категориям товаров (*Edwards, 2012a*).

Помимо этого, социологические исследования начали активно использовать торговые ассоциации и государственные статистические агентства в Европе. Одними из первых были проведены предпринимательские обследования в Германии в 1949 г., позже распространившиеся и на другие страны. Эти исследования, во-первых, были ценны своей дешевизной, а во-вторых, позволяли собрать информацию, которая не была представлена в официальной статистике (Nerb, 2005).

Такие исследования не оказали сильного влияния на мейнстрим, но послужили основой для появления ряда других работ, в том числе связанных с изучением индекса потребительских настроений (Curtin, 2002), расчет которого начиная с 1950-х гг. спонсируется Фондом Форда. Так как в послевоенной Европе количественная статистика страдала от пробелов и нерегулярных публикаций, идеи Катона повлияли на формирование методологического европейского опыта проведения предпринимательских обследований для анализа и прогнозирования деловых циклов, в котором подчеркивалась особая роль опросных данных (Nerb, 2005). В 1974 г. появляется исследование Р. Истерлина, в котором анализируются результаты опросов респондентов об их оценке уровня собственного счастья (Easterlin, 1974).

Начиная с 1990-х гг. ситуация стала изменяться и опросные данные все чаще стали использоваться экономистами. При этом известная работа Ч. Мански опровергла мнение, что респонденты будут неохотно отвечать и ограниченно использовать вероятностную шкалу (Manski, 2004). Социологические исследования стали использовать микроэкономисты для анализа инфляционных ожиданий (Armantier et al., 2013), экономических ожиданий населения в развивающихся странах (Delavande, 2014), степени удовлетворенности работой в экономике труда (см.: (Blanchflower, Oswald, 1992; Clark, Oswald, 1996)).

Большое внимание стало уделяться и экспертным опросам, где в роли респондентов выступают не рядовые потребители или предприниматели, а ведущие экономисты, профессиональные прогнозисты и другие респонденты, которым приписывается экспертное знание (см.: (Croushore, Stark, 2019)).

Как видно из достаточно краткого обзора, социологические исследования начали применяться экономистами достаточно давно.

Можно проследить смену настроения сообщества от крайнего скептицизма до достаточно активного применения такого типа данных. Такая смена обусловлена рядом факторов. Во-первых, можно сказать, что сама экономическая наука претерпела некоторые изменения — для нее стала более характерна высокая фрагментарность (Ронкалья, 2018), повысился престиж прикладных исследований и экспериментальных методов (Backhouse, Cherrier, 2017), а также произошло снижение важности моделей рационального выбора и чистой теорий.

Во-вторых, ключевую роль сыграл эмпирический поворот в экономической теории российского научного мейнстрима, который отмечался уже в конце 2000-х гг. (Либман, 2007, 2008). Социологическая составляющая этого поворота уже в тот период считалась важным положительным явлением. При этом междисциплинарность в отечественной экономической социологии возникла за счет интереса социологов к экономическим проблемам, тогда как исследования в области экономической теории не часто опирались на соответствующий опросный инструментарий.

Среди прочих выделялись и некоторые преимущества социологических исследований в экономике, сложившиеся на тот момент времени: 1) акцентировалось внимание на наличии методологии и достаточном инструментарии, которые были сформированы вне решения задач экономической теории; 2) отмечалось существование системы воспроизводства научных школ и диалога внутри социологической науки; 3) подчеркивался факт дополнительного внимания к самому процессу теоретизации (Либман, 2007). Данные преимущества исследовательской среды социологов в некоторой мере «вменялись в вину» ученым-теоретикам в экономической науке.

В качестве положительного примера третьего из названных преимуществ экономической социологии можно привести разбор методов определения понятия «рынок» в экономике (Радаев, 2007). У каждого из методов — статистического, феноменологического, исторического и моделирования — существуют ограничения, которые не позволяют описать рынок в наиболее обобщенном виде, но по отдельности они составляют близкую к реальности картину. В случае с экономической социологией оказывается, что при применении ее методологии к различным составляющим рынка будет

получен уникальный набор характеристик изучаемого явления, который специфичен именно для него и тех условий, в которых проходил сбор информации.

В последнее десятилетие интерес к методологии социологической науки со стороны экономической науки стал заметно возрастать. Появилось большое количество отдельных информационных экономико-социологических баз данных как в России, так и за рубежом, которые становятся основой части теоретических исследований в экономике:

- Банк социологических данных ИС РАН;
- Европейское социальное обследование;
- Единый архив экономических и социологических данных;
- Портал социологических данных РАНХиГС;
- Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ;
- Social Survey (Eurostat);
- The UK's largest collection of social, economic and population data resources;
- World value survey и др.

В ходе исследований в Институте экономики РАН также проводятся регулярные социологические опросы. Ядром таких эмпирических работ неизменно становится сообщество экономистов – членов Новой экономической ассоциации (*Рубинштейн, 2019; Бураков, Рубинштейн, 2021*). В разное время базовые выборки дополнялись мнением участников Российского экономического конгресса (2016, 2020, 2023), Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (2017, 2018) и преподавателей и студентов экономического факультета МГУ (2016). Основными темами анкетирования экспертов становятся оценка научного уровня и популярности экономических журналов, наукометрии, подходов к определению критериев эффективности научного труда и мнение относительно реформ науки.

Также социологические данные позволяют расширять существующие статистические показатели. Применение универсальной методологии «Multiway data analysis» для агрегирования различных

типов данных при описании явлений и объектов обеспечивает изменение не только частных критериев, отражающих скрытые соотношения между их характеристиками, но и определение весовой функции их агрегирования в совокупном рейтинге экономических объектов (Рубинштейн, Бураков, 2020).

На базе полученной социологической информации в настоящий момент формируется методика определения основных характеристик аудитории опросов, выделения однородных групп с близкими характеристиками и групп со значимыми различиями. Итогом накопления социологических данных должна стать единая информационная база наблюдений по основным вопросам взаимодействия государства и общества в экономическом пространстве².

В заключение можно отметить, что экономические исследования, которые основываются на данных социологических опросов, имеют большой потенциал с учетом методологических трансформаций и междисциплинарного сотрудничества (Бакеев, Лола, 2023). Важно понимать при этом, что такой метод получения данных имеет ряд ограничений и сложностей. В частности, необходимо большое внимание уделять составлению анкеты, учитывать особенности базы данных, сформированной из получаемых ответов, применять соответствующие математические методы, совмещать экспертные оценки с другими источниками данных, что позволяет делать надежные выводы о сформулированных гипотезах.

1.2. Общие характеристики участников интернет-опроса

Начнем с того, что результаты проведенного опроса позволяют подтвердить, что его участники, по крайней мере, с точки зрения их квалификации, являются реальными экспертами: более 80% респондентов имеют ученые степени кандидата и доктора наук (PhD), представляя в равной мере женщин и мужчин (табл. 1.1).

2. Например, результаты анализа собираемой информации стали предметом публичной дискуссии на пленарной сессии «Разнообразие дискурсов экономической науки» на Седьмой международной научной конференции консорциума журналов ЭФ МГУ имени М. В. Ломоносова 25 октября 2023 г. (подробнее см.: <https://grans.hse.ru/news/868362667.html>).

Таблица 1.1. Пол и научная квалификация респондентов

Основные характеристики респондентов	I волна	II волна	Всего
	% к числу опрошенных	% к числу опрошенных	% к числу опрошенных
Женщины	46,7	57,7	50,7
Мужчины	53,3	42,3	49,3
Всего	100,0	100,0	100,0
Есть ученая степень	85,2	73,9	81,1
Нет ученой степени	14,8	26,1	18,9
Всего	100,0	100,0	100,0

Следует отметить, что в условиях первой волны опроса (членов НЭА) респондентов, имеющих ученую степень, было больше, чем во время второй волны («РЭК–2023»). Частично это можно объяснить тем, что и доля женщин среди респондентов второй волны оказалась явно больше, что соответствует, по-видимому, общей ситуации (табл. 1.1). Вторым фактором, который может объяснить снижение доли респондентов с ученой степенью среди участников «РЭК–2023», является возраст докладчиков.

Анализ полученных данных свидетельствует, что средний возраст участников «РЭК–2023» составляет 49 лет, а членов НЭА – 58 лет. Иначе говоря, в программу РЭК включены доклады более молодых экономистов. Это подтверждают и данные табл. 1.2, в которой приведены расчетные характеристики участников социологического опроса в разрезе их возрастной структуры.

Таблица 1.2. Возрастные группы экспертов (%)

Возрастные группы	I волна	I волна	Всего, %
	НЭА, %	РЭК, %	
Младше 35 лет	5,9	19,6	10,9
35–49 лет	17,6	25,6	20,4
50–65 лет	26,9	22,0	25,1
66–75 лет	19,6	14,4	17,7
Старше 75 лет	9,6	5,2	8,0
Нет ответа	20,4	13,2	17,9
Всего	100,0	100,0	100,0

Нетрудно заметить, что наибольшая часть респондентов – членов НЭА принадлежит к возрастным группам старше 50 лет (56,1%). Среди же участников РЭК старше 50 лет оказалось почти на 15% меньше (41,6%), и из них почти 20% – это молодые люди до 35 лет.

Остановимся теперь на некоторых агрегированных показателях, отражающих распределение респондентов по основным местам работы: университетам и академическим институтам (табл. 1.3).

Таблица 1.3. Тип организации основного места работы респондентов

Варианты ответов на вопрос анкеты	I волна	II волна	Всего
	% к числу опрошенных	% к числу опрошенных	% к числу опрошенных
Научные институты	25,9	30,0	27,4
Университет / вуз	56,4	52,2	54,9
Другие организации	17,8	17,8	17,7
Всего	100,0	100,0	100,0

Результаты расчетов, приведенные в табл. 1.3, указывают на вполне естественное распределение респондентов с лидерством высших учебных заведений, к которым относится более половины всех участников опроса. При этом и здесь наблюдается разнонаправленная динамика респондентов. При второй волне опроса представительство научных институтов выросло, а университетов и вузов снизилось. Такие структурные изменения демонстрируют вполне ожидаемые результаты, свидетельствующие об относительно более высоком качестве исследовательской работы в научных институтах по отношению к вузовской науке. Это довольно стандартное заключение подтверждает и тот факт, что доля респондентов, имеющих ученую степень и работающих в исследовательских организациях, несколько превосходит аналогичный показатель для представителей высшей школы.

Завершая предварительную часть анализа, посвященного описанию совокупности экспертов, участвующих в социологическом опросе, рассмотрим их распределение в разрезе федеральных округов (табл. 1.4, 1.5)³.

3. Как уже было указано во введении, большая часть таблиц опубликована на сайте «Журнала Новой экономической ассоциации».

Анализ приведенных данных позволяет установить, что в Дальневосточном и Сибирском федеральном округах респонденты почти в равной степени представляют академическую и университетскую науку. Третью позицию по представительству академической науки занимает Уральский федеральный округ – 36,4%, четвертую и пятую – Центральный и Северо-Западный федеральные округа – 29,5 и 27,2% соответственно, где представительство университетской науки уже превышает 50%-ный рубеж.

Нетрудно заметить при этом, что динамика представительства регионов из первой пятерки федеральных округов оказалась разнонаправленной. Так, при переходе от первой ко второй волне экспертного опроса доля Центрального, Северо-Западного и Дальневосточного федеральных округов немного снизилась, а Уральского и Сибирского выросла, причем представительство Уральского увеличилось более чем в два раза (табл. 1.5). Данный факт, по-видимому, можно объяснить тем обстоятельством, что во время второй волны опрашивались эксперты, доклады которых были включены в программу «РЭК–2023» с местом проведения в Екатеринбурге.

Подводя итоги анализа общей совокупности экономистов, выступивших респондентами социологического опроса, и исходя из полученных результатов (табл. 1.1–1.5), можно сделать вывод, что ничего неожиданного обнаружено не было. Все указывает на то, что полученное описание отдельных характеристик совокупности респондентов вполне укладывается в существующие представления о российском сообществе экономистов нынешнего времени. И в этом смысле можно предположить, что выборка 700 респондентов из 95 российских и 13 зарубежных городов, ответивших на вопросы анкеты, с большой вероятностью является вполне репрезентативной.

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО СЕКТОРА

Творческий труд и интеллектуальную деятельность, как было показано в недавно изданной монографии «Гуманитарный сектор патерналистского государства», имеет смысл рассматривать в контексте теории знания, в виде ценностей, которые далеко не всегда получают экономическую оценку (Гуманитарный сектор..., 2023). При этом «наиболее характерной особенностью знания являются его включенность в мыслях и поступках...» (Foray, 2004. P. 8). Исследование проявлений знания, созданного в сфере искусства, «в мыслях и поступках» людей создает достаточно широкие возможности для анализа влияния творческой деятельности на общество и, в том числе, на формирование гражданской культуры.

2.1. Провалы государства и общества

Начнем с того, что активность государства, направленная в том числе на устранение «провалов рынка», во многих ситуациях, как свидетельствует экономическая теория, порождает «провалы государства» (Wolf, 1979; Krueger, 1990). В более общем случае рассматривается «патерналистский провал» – известная комбинация пороков общественного выбора и нерациональных действий бюрократии, включая соответствующие институциональные реформы (Гудков, 2022. С. 153). С учетом этого исследуется «провал общества». Речь идет о таком его состоянии, которое не препятствует выбору целей, не отвечающих интересам общества, и ошибочных стратегий достижения намеченных установок (Рубинштейн, 2023).

«Нетрудно устоять перед уговорами и влиянием одного злодея, но когда множество несетя под уклон с неудержимой стреми-

тельностью, то не оказаться в потоке есть признак души благородной и разума, воспитанного мужеством» (Филон Александрийский (I в. н.э.)). На патриархальность политического сознания и неразвитость гражданской культуры обращают внимание Г. Алмонд и С. Верба (*Алмонд, Верба, 2014*).

Существующая пассивность гражданского общества, при ограниченных возможностях граждан отстаивать свободы и артикулировать свои права, ведет к отсутствию воли к сопротивлению (*Гудков, 2022*). Возникающий инфантилизм институтов гражданской активности также способствует деформации социальной структуры общества, разрушению социальных лифтов и деградации элит (*Мертон, 2006*). Одновременно с этими процессами происходит проспабливание демократических институтов к сложившейся реальности, влекущее за собой искажение итогов голосований, нарушение принципов выборности и ротации на всех уровнях власти. Итогом таких трансформаций является «псевдоморфоз» демократии (*Геллер, 1997*).

Переходя к результатам опроса, связанным с провалом государства, отметим, что при ответе на вопрос: «Как в последнее десятилетие реализуются принципы выборности и ротации власти?» преобладающая доля экспертов (около 70%) указала на нарушение принципа выборности и ротации на всех уровнях власти, что является типичным признаком деградации патерналистского государства (табл. 2.1). При этом при ответе на вопрос: «Соответствует ли политика государства предпочтениям большинства граждан?» большее количество респондентов оценивает политику государства «отрицательно» (44,6%) и немногим меньше «положительно» (42,0%) (табл. 2.2).

Также можно говорить о том, что «какие чиновники, такое и государство»: хорошие оценки, по мнению экспертов, заслуживают меньше 25% чиновников федерального уровня, немногим более 20% чиновников регионального уровня; более 40% экспертов оценили работу чиновников муниципального уровня как откровенно плохую.

Изучение мнения экспертов о провале общества показало, что почти 75% из них не нашли ничего положительного в политике государства в отношении к гражданскому обществу (табл. 2.3). Подтверждая исследования Левада-Центра, на отсутствие независимых СМИ и прекращение официальной деятельности правозащит-

ных организаций указали преобладающее большинство экспертов. От 50 до 60% респондентов не считают себя не инициаторами, не противниками ликвидации официального статуса ряда институтов гражданского общества.

Повторим, что на вопрос: «Как в последнее время изменились возможности граждан заявлять и отстаивать свои права?» преобладающая доля экспертов (51%) указала на их очевидное сокращение (табл. 2.4). Около 20% респондентов уклонились от ответа, подтвердив тем самым общее снижение гражданской активности.

Созданная информационная база «экспертного опроса», содержащая ответы 700 респондентов на более чем 50 вопросов анкеты (в целом около 150 000 чисел), позволила применить современные методы эконометрики: главных компонент и MW-анализа (Multiway data analysis).

На их основе были выделены и измерены два композитных фактора — два агрегированных индикатора, характеризующих «Благосостояние населения» (F) и «Социально-политический статус граждан» (Y). Результаты регрессионного анализа второго фактора (Y) представлены ниже (табл. 2.5).

В результате роста несоответствия политики государства предпочтениям граждан, проблем с реализацией принципов выборности и ротации власти и снижения возможностей граждан заявлять и отстаивать права индикатор «Социально-политический статус граждан» будет с большой вероятностью падать.

Таблица 2.5. Регрессионная зависимость «Социально-политического статуса граждан» (Y) от некоторых оценок экспертов

Константа	0,663*
Композитный фактор благосостояния	0,523*
Несоответствие политики государства предпочтениям граждан	−0,023*
Проблемы с реализацией принципов выборности и ротации власти	−0,050*
Снижение возможностей граждан заявлять и отстаивать свои права	−0,071*

* показатель статистически значимый на 1%-ном уровне.

Нет оснований приписывать патерналистскому государству какую-то априорную коннотацию. На разных фазах развития социума оно способно творить как добро, так и зло. Сдвиг государствен-

ной активности в сторону негативных решений обусловлен, как правило, сокращением поля общественного выбора, причина которого кроется в «поломках» защитных механизмов.

Сформулирую общий вывод: патерналистская форма государства может развиваться без особых рисков деградации лишь при наличии «иммунной системы» социума, которая способна препятствовать неверному выбору целей и произволу их реализации. Такую «иммунную систему» создает гражданское общество с характерными для него гражданской культурой и институтами, включая институты самоорганизации и самоуправления.

2.2. Общество и культура⁴

Рассмотрим результаты ответов респондентов на вопрос анкеты: «Как искусство и литература влияют на отношение людей друг к другу и к общественным институтам?».

Приведенные данные подтверждают главный тезис о влиянии искусства и литературы на жизнь социума и, выделим особо, на формирование гражданской культуры. Так, первые три позиции в распределении ответов заняли: «повышают уровень самосознания людей и их открытость к инновациям» (48,4%); «повышают уровень доверия и терпимости» (33,9%); «способствуют уважению к институтам общества и социальной стабильности» (32,4%). Эти три вида влияния культуры на общество можно, по-видимому, без натяжки отнести к факторам гражданской культуры. Заметим также, что лишь около 12% из 700 опрошенных экспертов ответили, что культура почти не оказывает влияния на общество.

Любопытно, что участники РЭК более определенно оценивают влияние культуры на общество, нежели члены НЭА. Так, в каждом из трех выделенных вариантов ответов, характеризующих в большей степени гражданскую культуру, доля участников РЭК оказалась выше, чем членов НЭА. Следует отметить также, что в выборе варианта ответа «повышают качество жизни» удельный вес участников РЭК (35,6%) оказался больше, чем таковой при варианте «способствуют уважению к институтам общества и социальной стабильно-

4. Параграф подготовлен на основе доклада Н.А. Буракова, О.А. Славинской, Е.А. Хауниной «Искусство и креативные индустрии: опыт эмпирических исследований», представленного на V Российском экономическом конгрессе (г. Екатеринбург, 11–15 сентября 2023 г.).

сти» (33,8%). Иначе говоря, участники РЭК (а мы уже отмечали, что эта группа респондентов в среднем почти на 10 лет моложе членов НЭА) обращают внимание еще на одну важную сторону культурной деятельности, оказывающую влияние на качество жизни.

Сделаем, хотя и банальный, но общий вывод о важной роли искусства и литературы в жизни как потребителей культурных благ, так и общества в целом. И, несмотря на него, есть основания считать, что патерналистское государство явно недооценивает значение культуры. Это нетрудно заметить, если рассмотреть структуру расходов федерального и региональных бюджетов. Эта же недооценка есть и в отношении государства к характерным особенностям творческого труда и интеллектуальной деятельности работников культуры, заработная плата которых отставала и продолжает отставать от средней по экономике. Обращают на себя внимание и существующие различия в оплате труда работников государственных учреждений гуманитарного сектора экономики. В майских указах 2012 г. эти различия приобрели нормативный характер⁵.

Исходя же из гипотезы о недостаточной обоснованности указанного соотношения, экспертам был задан вопрос о причинах такого положения дел, ответы на который представлены в табл. 2.6. Результаты выполненных расчетов свидетельствуют, что в качестве причин наибольшей важности (оценки 4 и 5) респонденты выбрали «недооценку специфики творческого труда» и «недостаточное бюджетное финансирование» – их указали 62,7 и 66,2% соответственно.

Помимо этого, 27,9 и 26,3% экспертов выделили достаточно явную причину – «плохой менеджмент в организациях культуры» (на оценку 3 и 4 соответственно). Это может быть связано с тем, что руководителей организаций культуры назначает Министерство культуры, поэтому на данных должностях не всегда оказываются профессионалы с необходимыми знаниями и опытом.

При этом доля респондентов, остановивших свой выбор на чисто поверхностном объяснении отставания заработной платы из-за «невысокого спроса на культурные блага» и «низкой производительности труда», оказалась очень небольшой: на эти причины

5. Этими указами, в частности, предусмотрено двойное превышение целевого уровня заработной платы для работников образования и здравоохранения по отношению к оплате труда в сфере культуры: в образовании и здравоохранении – 200% от средней по экономике, в культуре – 100%.

(с оценками 4 или 5) указали соответственно 32,7 и 20,4% экспертов (табл. 2.6). По всей видимости, большинству членов НЭА и участников РЭК знакома теория Уильяма Баумоля⁶. С учетом этого можно сформулировать коллективное мнение экспертов – искусство и культура остро нуждаются в изменении политики государства в отношении оплаты труда работников творческого труда.

В этом контексте представляют интерес рекомендации экспертов – членов НЭА и участников РЭК, которым в процессе социологического исследования был задан вопрос, нужно ли решать эту проблему и устранять отставание заработной платы в сфере культуры. Результаты их ответов приведены в табл. 2.7.

Расчеты свидетельствуют, что почти 80% респондентов считают необходимым увеличение оплаты труда работников культуры в виде ее постепенного изменения на основе «дорожной карты» (40,6%) или ежегодной индексации (39,3%).

Отметим также, что участники РЭК в большей степени выступают за «дорожную карту» роста заработной платы, придерживаясь прежней практики майских указов 2012 г. (42,8%); члены НЭА видят решение проблемы в ежегодной индексации заработной платы работников культуры (41,1%). Это можно объяснить тем, что публика РЭК моложе, и для нее термин «дорожная карта» более понятен, а также разницей заработных плат в академических институтах и вузах.

При этом менее 3% респондентов считает возможным сохранить ситуацию такой, какой она есть. Отсюда следует вывод, что творческий труд работников культуры является недооцененным со стороны государства, существующие методы устранения отставания заработной платы себя не оправдывают, однако единого мнения экспертов по поводу решения этой проблемы на данный момент нет.

Продолжая обсуждение интеллектуальной деятельности в гуманитарном секторе, следует иметь в виду, что в его состав входят организации хотя и с невысокими запасами финансового капитала, но обладающие *нематериальными активами*. Такие активы создаются и в культуре, включая защищенные авторским правом

6. Речь идет о так называемой болезни цен, или болезни издержек (Baumol, Bowen, 1966), с которой стала развиваться экономика культуры в качестве самостоятельного направления экономической науки (Ginsburgh, Throsby (eds.), 2006; Nordhaus, 2008).

объекты интеллектуальной собственности, несущие в себе высокий потенциал добавленной стоимости (Гуманитарный сектор..., 2023. С. 25). Поэтому анализируя творческий труд и его оплату, имеет смысл рассматривать нематериальные активы в качестве дополнительного источника финансового обеспечения роста заработной платы работников культуры.

С учетом этого обратим внимание на ответы участников социологического опроса на вопрос анкеты, касающийся нематериальных активов в сфере культуры. В табл. 2.8 представлены результаты ответов членов НЭА и участников РЭК.

Расчеты свидетельствуют, что абсолютное большинство экспертов отнесли к нематериальным активам «объекты авторского права» (61,1%), «творческий потенциал организаций искусства» (60,7%), «театральный и музыкальный репертуар» (48,4%). При этом при выборе «театрального и музыкального репертуара» в качестве нематериального актива удельный вес участников РЭК оказался несколько выше, чем членов НЭА — 51,2% против 46,9%. В остальном же разница между оценками членов НЭА и участников РЭК очень незначительна, что позволяет утверждать о практически одинаковом понимании экспертами нематериальных активов в культуре (табл. 2.8).

В этой ситуации и с учетом сказанного выше — нематериальные активы несут в себе «высокий потенциал добавленной стоимости», возникает естественный вопрос, как реализовать ее или как обеспечить капитализацию нематериальных активов. Задача эта совсем не простая. И даже с учетом того, что в мире накоплено довольно много механизмов, обеспечивающих капитализацию нематериальных активов, ее решение требует довольно серьезных институциональных преобразований. В связи с этим экспертам был задан соответствующий вопрос: «Укажите, пожалуйста, наиболее важные источники формирования специального фонда, обеспечивающего капитализацию нематериальных активов организаций культуры», ответы на которые представлены в табл. 2.9.

Наверное, это первый случай среди анализируемых результатов интернет-опроса, когда эксперты демонстрируют подобное единодушие. Так, и члены НЭА, и участники РЭК назвали главным источником формирования специального фонда капитализации

нематериальных активов «бюджетные средства (целевые субсидии и гранты, налоговые льготы)»: удельный вес каждой группы экспертов в этом выборе составил ровно 64%. Второе и третье место, по мнению экспертов, приходится на «спонсорскую поддержку» (56,7%) и «отчисления от продажи билетов организациями культуры» (50,9%). Замыкают список конкретных источников формирования указанного фонда «средства благотворительных организаций и частных лиц» (44,9%).

Резюмируя полученные ответы экспертов, мы хотим сформулировать и собственную позицию. Нам представляется, что основу специального фонда капитализации нематериальных активов должны составлять бюджетные гранты, налоговые льготы и отчисления от продажи билетов. Только в этом случае могут быть обеспечены стабильность указанного фонда и возможности роста оплаты труда работников культуры. Что же касается спонсорских средств, а также различных благотворительных организаций и частных лиц, то их следует рассматривать лишь в качестве дополнительных источников.

Разумеется, что осуществление подобных реформ дело явно непростое, и поэтому надо понять, какие результаты они могут принести. В данном случае хотелось бы, пусть на качественном уровне, оценить возможные доходы организаций культуры в результате капитализации нематериальных активов. С этой целью экспертам был задан соответствующий вопрос: «Какой прирост доходов могут ожидать организации культуры в результате капитализации их нематериальных активов?», результаты ответов на который приведены в табл. 2.10.

Начнем с того, что около четверти респондентов не дали никакого ответа на этот вопрос, указав на свои затруднения или просто не желая на него отвечать. При этом оценили ожидаемый доход как высокий или выше среднего всего лишь около 13% респондентов; вдвое больше экспертов оценили возможный доход организаций культуры как низкий и ниже среднего. Наибольший удельный вес (34,3%) получила оценка «средний доход».

Полученные результаты свидетельствуют об определенном пессимизме членов НЭА и участников РЭК в отношении ожидаемого дохода организаций культуры. И объяснить это не так трудно, ибо главным источником формирования специального фонда капи-

тализации нематериальных активов вполне обосновано названы бюджетные средства, на которые вряд ли следует рассчитывать в ближайшей и среднесрочной перспективе. С учетом этого одной из важнейших задач в экономике культуры, как, впрочем, и всего гуманитарного сектора, является поиск новых моделей финансирования культурной деятельности, включая бюджетные и внебюджетные средства. Соответствующий вопрос: «Какие модели дополнительного финансирования культуры следует применять в России на разных уровнях власти?» был задан участникам экспертного опроса. Его результаты представлены в табл. 2.11.

Анализ обсуждения моделей дополнительного финансирования культуры выявил следующие закономерности в экспертных оценках. Во-первых, преобладание патерналистского мышления в ответах участников опроса. Из этого можно сделать вывод, что качественная институциональная среда финансирования культуры не сформирована в российском обществе. Во-вторых, невысокий уровень доверия к формам финансирования культуры, предполагающим активное участие граждан (гражданского общества). При этом можно выделить слабость институтов горизонтального контроля и управления, самоорганизации в России.

Данные результаты можно объяснить тем, что комплексные, современные институты поддержки культуры не смогли заработать полноценно и не были предложены пилотные модели их апробации на уровне регионов или муниципалитетов. Также некоторые дополнительные модели возможной поддержки культуры были отменены (например, ФЗ о лотереях). При этом нужно понимать, что существующая специфика уплаты подоходного налога в России не развивает у населения желания знать о направлениях государственных расходов (см.: *Аузан, 2022; Хаунина, 2012, 2013а, б, 2015*)).

Одной из причин таких результатов можно назвать и ограниченность числа качественных публикаций по экономике культуры, что приводит к общей узости и даже архаичности мышления экспертного сообщества в отношении современных форм финансирования культуры. Немаловажную роль играет отсутствие публичной дискуссии, связанной с разными аспектами финансирования культуры и ее управления (последний активный период — Год культуры в РФ в 2014 г.). Методы управления большей части российских учреждений культу-

ры до сих пор не предполагают обратной связи с публикой и дифференцированной, партнерской работы с разными сообществами.

Полученные данные экспертного опроса указывают на то, что экономическое сообщество по-прежнему ориентируется главным образом на прямое бюджетное финансирование как культуры, так и всего гуманитарного сектора экономики: бюджетные субсидии и гранты, государственные и муниципальные фонды поддержки культуры назвали больше половины экспертов применительно к федеральному урону и половина респондентов в отношении регионов. Немногим меньшая доля экспертов ориентируется на бюджетный ресурс на муниципальном уровне. Третью позицию занимают налоговые льготы благотворителям. Эту форму бюджетных расходов на культуру выбрали 52,9% экспертов в отношении федерального уровня, 46,0% для регионов и 37,1% для муниципалитетов (табл. 2.11).

Следует отметить, что *нормы расходования* бюджетных средств для всех трех указанных выше каналов финансирования культуры устанавливают чиновники патерналистского государства фактически без участия граждан, налоговые взносы которых составляют основную часть федерального, региональных и муниципальных бюджетов. В этом контексте особый интерес представляют такие модели дополнительного финансирования культуры, которые связаны с институтами гражданского общества. В данном случае речь идет об отчислениях гражданами части уплачиваемого ими подоходного налога в пользу культуры и так называемом партисипативном (инициативном) бюджетировании, при котором учитывается мнение граждан о направлениях расходования части бюджетных средств.

Как показали результаты опроса, обе эти модели не встретили энтузиазма у экспертов применительно ко всем уровням власти. Участие граждан в распределении налоговых доходов государства поддержали лишь около 10% экспертов, партисипативное бюджетирование – около 20%. Не вызвала интереса экспертов и модель маркированных налогов, когда поступления от «вредных» для здоровья товаров, к примеру, алкоголя и табака, минуя государственный бюджет, направляются на финансирование производства и потребления «полезных» товаров и услуг, например, культуры и образования (табл. 2.11).

Завершая анализ результатов экспертного опроса по разделу «Общество и культура», можно сформулировать итоговое заключение о значении культуры для общества и возможностях ее эффективного развития. Так, по мнению большинства экспертов, культура обладает мощным потенциалом позитивного влияния на отношения между людьми, формирование гражданской культуры и в целом гражданского общества. Однако эффективная реализация этого потенциала наталкивается на недооценку творческого труда работников культуры со стороны патерналистского государства, недофинансирование производителей культурных благ.

Решение этой проблемы требует изменения политики финансирования всего гуманитарного сектора с использованием современных моделей и механизмов, опирающихся на участие граждан в распределении бюджетных средств. Но именно здесь, как оказалось, круг замыкается – общественный провал и отсутствие соответствующих институтов и организаций гражданского общества, по существу, тормозят развитие культуры и ее влияние на общество.

2.3. Наука и публикационная активность

Продолжая тему нематериальных активов в гуманитарном секторе экономики, особое место среди которых принадлежит охраняемой авторским правом интеллектуальной собственности, и рассматривая ее в качестве дополнительного источника оплаты труда научных работников, обратим внимание на вопрос, заданный экспертам: «Согласны ли Вы, что журналы должны платить гонорар авторам статей и оплачивать труд рецензентов?» (табл. 2.12).

Полученные ответы респондентов и выполненные расчеты показали, что наибольшая часть экспертов – 51,4% – указали на необходимость выплаты гонорара авторам статей и оплаты труда рецензентов. Небезынтересным является и тот факт, что респонденты, представляющие Новую экономическую ассоциацию, в этом вопросе продемонстрировали большую определенность – 55% высказали свое согласие с необходимостью выплаты гонорара авторам статей и оплачивать труд рецензентов. Отметим также, что и при опросе членов НЭА в 2022 г. результат был примерно таким же – 58%.

Следует особо отметить, что в условиях развивающейся журнальной практики брать плату с авторов за публикации их статей лишь 16% экспертов, представляющих все регионы страны и абсолютное большинство научных центров и институтов РАН, а также университетскую науку, согласились с введением этой не очень оправданной меры. Любопытно также, что более четверти респондентов – 26,8%, выбрали опцию «ничего менять не надо», подтверждая тем самым известный результат исследований Левада-Центра о снижении активности россиян в отстаивании собственных интересов и общей социальной пассивности (Гудков, 2022. С. 157).

Будучи недостаточно развитым, российское гражданское общество не сумело противостоять эскалации патерналистского государства и расширению его вмешательства во все сферы человеческой деятельности с самовозрастающей бюрократией и ликвидацией ряда институтов самоуправления (Рубинштейн, Городецкий, 2018. С. 41). «Подменив общественный выбор авторитарным решением, государство стало внедрять наукометрические методы управления, позволяющие разного рода чиновникам, не вникая в содержание работ, их новизну и научную ценность, решать, какие журналы, публикации и их авторы важнее для развития науки» (Гуманитарный сектор..., 2023. С. 74).

В сложившейся ситуации научная деятельность стала постепенно утрачивать традиционно присущие ей процедуры оценки качества работ в процессе обсуждения промежуточных и окончательных итогов исследований на заседаниях ученых советов, научных семинарах и конференциях, где главным критерием была оригинальность полученных результатов. Отметим, что для участников экспертного опроса этот критерий сохранил свою важность. Рассмотрим в связи с этим данные табл. 2.13, в которой приведены ответы экспертов

Приведенные расчеты свидетельствуют, что абсолютное большинство экспертов (66,7%) по-прежнему считают, что оригинальность публикации и наличие в ней новых результатов является главным критерием в оценке работы. Так думают 67,3% членов НЭА и 65,6% участников РЭК. Любопытно, что этого мнения придерживаются больше члены НЭА, которые, как уже отмечалось в среднем на 9 лет старше участников РЭК. Тем самым можно утверждать, что

старшие поколения ученых несколько в большей степени сохраняют свою приверженность традиционным научным ценностям.

Отдельного обсуждения заслуживает тема «этические нормы», которая выходит за пределы законодательства об интеллектуальной собственности и авторского права. И здесь существуют две проблемы: кто и как может устанавливать этические нормы; как должно осуществляться согласие с ними автора. В качестве ответа на первый вопрос можно допустить, что общих норм не существует и каждый издатель вправе устанавливать свои этические нормы, используя для этого открытые демократически процедуры – коллективное решение редколлегии или ученого совета. Отвечая на второй вопрос, можно принять следующее правило. Если текст принятой демократическим путем этической нормы объявлен издателем и находится в открытом доступе на его официальном сайте, то сам акт подачи автором для публикации своего научного текста означает его согласие.

Следует отметить, что десятилетие бюрократического управления наукой вывело на авансцену публикационную активность, выраженную исключительно в количественных показателях, далеко не всегда отражающих оригинальность и новизну результатов исследования. В сложившейся ситуации повысилась роль издателей с быстроразвивающейся договорной практикой *уступки авторских прав*. При этом многие авторы не до конца знают свои права, имея в виду их отношения с издателями журналов и др. Рассмотрим в связи с этим данные табл. 2.14, в которой приведены ответы членов НЭА и участников РЭК на соответствующий вопрос анкеты: «Знаете ли вы, что, направляя работу в журнал (издательство), ваши права на ее использование могут быть ограничены договором?».

Как можно увидеть из данных, приведенных в табл. 2.14, почти $\frac{2}{3}$ экспертов (62,9%) указывают, что они знают о возможности ограничения авторских прав по договору с издателем. При этом доля членов НЭА (72,2%), положительно ответивших на указанный вопрос, существенно выше доли участников «РЭК–23» (46,0%). Следует отметить также, что около трети участников РЭК не давали согласия на ограничение своих прав (32,4%). С учетом же того, что более 10% экспертов никогда не были предупреждены об этом, следует с особой осторожностью относиться к любым договорным

ограничениям авторских прав или их уступок в пользу издателей (табл. 2.13). Рассмотрим в связи с этим еще один вопрос, ответы на которые представлены в табл. 2.15.

Анализируя ответы респондентов на приведенный вопрос, нетрудно заметить, что *абсолютной доминантой* или обязательным условием введения любых ограничений авторских прав со стороны издателей является согласие автора. Так 38,1% экспертов, в том числе 56,4% членов НЭА, вообще высказались о недопустимости введения ограничений в использовании в новых публикациях автора фрагментов из его прежних работ. При этом 79,2% участников РЭК и, подчеркнем особо, лишь 24,2% членов НЭА готовы согласиться с возможностью введения указанных ограничений, но лишь при условии, что издатель получил такое право (табл. 2.15).

Начать, наверное, надо с того, что 10 лет назад был принят Федеральный закон «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (от 27 сентября 2013 г., № 253-ФЗ), который фактически ликвидировал академические свободы и закрепил вмешательство государства в научную жизнь страны. Это негативное решение с передачей в подчинение Минобрнауки всех научных организаций РАН не могло не отразиться на частичной потере авторитета Российской академии наук, которая с тех пор функционирует в достаточно сложных условиях.

Рассмотрим в связи с этим данные табл. 2.16, в которой представлены ответы экспертов на вопрос: «Какие организации адекватно выражают интересы своих членов?».

Результаты экспертного опроса указывают на то, что Российская академия наук, занимавшая до упомянутого Федерального закона первую позицию в таблице о рангах, уступила свое место Новой экономической ассоциации: 38,1% респондентов выбрали НЭА, 29,3% — РАН, и 20,5% — Вольное экономическое общество. При этом и члены НЭА, и участники «РЭК–23» продемонстрировали практически одинаковое отношение к организациям, выражающим их интересы.

Учитывая же, что «смена лидера» проходила в течение последних десяти лет после принятия указанного Федерального закона, интересно понять, как эта ситуация меняется при рассмотрении различных возрастных групп респондентов, каждая из которых стала

на десять лет старше. Расчеты показывают, что доли респондентов, указавших на лидерство РАН, в возрастных группах от 35 до 49 лет и от 50 до 69 лет остались, практически, неизменными: 23,2 и 23,5% соответственно. При этом в этих же возрастных группах респондентов доля НЭА, созданной в 2009 г., т. е. за четыре года до упоминавшегося Федерального закона, выросла на 6,0%, и почти на 10% увеличилась доля Вольного экономического общества (табл. 2.17). Можно предположить, что немалая часть этих 16% – суммарного увеличения веса НЭА и ВЭО, относится к потерям Российской академии наук в результате фактической утраты ею статуса организации гражданского общества. Если основанная не научном авторитете активность ВЭО будет возрастать, а РАН продолжит свое зависимое и малоресурсное существование, то можно ожидать, к сожалению, еще большего падения авторитета последней.

2.4. Роль высшего образования в обществе

В современной социально ориентированной экономике система образования выступает важнейшим социальным лифтом. Расширение доступа к качественному образованию для представителей уязвимых слоев и групп позволяет преодолевать ловушки бедности, выравнивает социальную структуру общества, способствует гармонизации межнациональных отношений, усиливает социальное единение. В России на сегодняшний день уровень образования населения и охват им младших возрастных групп по международным меркам весьма высок. В рейтингах человеческого развития по фактору образования Россия устойчиво занимает высокие места и входит в категорию наиболее развитых стран (UNDP, 2022). Вместе с тем многочисленные исследования поднимают проблему существенных различий в качестве получаемого образования в зависимости от региона проживания, категории населенного пункта (столицы, крупный город, небольшой город, сельская местность), характеристик семьи (материальный достаток, уровень образования и социальный статус родителей) (Константиновский, Вахитайн, Куракин, Рощина, 2006; Хавенсон, Чиркина, 2018; Абанкина, Семенова, 2023).

Важным фактором снижения неравенства в доступе к высшей ступени профессионального образования ряд исследователей и практиков, связанных с управлением системой образования, считают

переход от системы вступительных экзаменов в конкретные вузы, учитывающих специфику того или иного учебного заведения, к единому государственному экзамену, который выпускники школ сдают в более-менее привычной для себя обстановке на основе единых стандартов. Опора на результаты ЕГЭ при приеме в вузы существует вот уже 15 лет, прочно утвердилась и вряд ли будет меняться в обозримом будущем. Помогает ли этот механизм решить проблему неравенства в доступе к образованию и повышения его эффективности в качестве социального лифта? Для аргументированного ответа на этот вопрос требуется специальное исследование. Результаты нашего опроса лишь позволяют сформулировать гипотезу, что, несмотря на реформирование механизмов доступа, система образования в России не только не смягчает, но возможно даже усиливает социально-экономическое неравенство и плохо справляется с ролью социального лифта.

Почти треть (30,4%) ответивших на анкету экспертов определенно считают, что качественное образование доступно не всем, а потому существующая система не только не снижает, а наоборот усиливает неравенство в обществе. В том, что доступность образования создает для всех равные возможности, убеждены лишь 13,1% респондентов. При этом почти столько же (12,4%) придерживаются точки зрения, что социальное и культурное неравенство мало связано с образованием. Почти половина экспертов (44%) либо затруднились с ответом на вопрос влияния образования на социальное неравенство, либо вовсе оставили этот вопрос без ответа.

Как видно из данных табл. 2.18, тезис, что российская система образования вносит вклад в усиление неравенства, чаще разделяют представители старших возрастных групп. Еще более рельефно проявляется возрастной профиль уверенных в том, что социальное и культурное неравенство мало связано с образованием.

Следует отметить, что при анализе ответа на прямой вопрос, в какой мере профессиональное образование является социальным лифтом для современной молодежи, были получены значительно менее пессимистические результаты, нежели когда речь шла об образовании как факторе, усиливающем (или смягчающем) социальную и культурную дифференциацию общества. В данном случае доля затруднившихся оценить, насколько хорошо работает эта важнейшая функция системы образования, была существенно

ниже (16,2%) по сравнению с таковой по вопросу о вкладе образования в неравенство. В то же время почти $\frac{2}{3}$ респондентов (60,1%) убеждены в том, что в современной России образование является социальным лифтом. При ответе на этот вопрос возрастные различия проявлялись слабее, хотя молодежь несколько более оптимистична по сравнению с экспертами старших поколений.

Любопытно, что среди тех, кто убежден в том, что качественное образование доступно не всем и усиливает неравенство, его роль как социального лифта признают 64,8% (безоговорочно 15%). Эти показатели не слишком отличаются от данных по категории респондентов, убежденных, что доступность образования создает для всех равные возможности, среди которых его в качестве социального лифта видят 75% (безоговорочно 18,5%). Менее всего в потенциал образования как социального лифта склонны верить те респонденты, по мнению которых социальное и культурное неравенство мало связано с ним, однако и среди них почти $\frac{2}{3}$ (60,5%) признают, что образование в России эту функцию выполняет. Доля категорически отрицающих роль образования как социального лифта в любой из категорий составляет менее 5%, сомневается в значимости этой роли один из четырех—пяти респондентов (см. табл. 2.19).

Такая неоднозначность оценок социальной функции образования, пожалуй, может быть объяснена тем обстоятельством, что расширение его коммерческого сегмента под влиянием высокого потребительского спроса привело к росту доступности недорогого и не очень качественного, но тем не менее формально высшего профессионального образования. В результате доминирующей для молодежи стала траектория, обязательно включающая высшее образование, по крайней мере, на уровне бакалавриата. При реальной, а не фейковой, приоритетности развития образования ничего подобного не было в плановой советской экономике, где данная система была ориентирована не на спрос со стороны населения, а на потребности экономики, и в вуз поступал лишь один из четырех—пяти выпускников. Таким образом, в современной экономике России для молодого поколения наличие высшего образования как такового стало фильтром для допуска к «хорошим» рабочим местам, т.е. воспринимается и населением, и экспертами как почти обязательный лифт к подножию более или менее приличной трудовой

и профессиональной карьеры. Различия между хорошим и не очень хорошим образованием дают о себе знать уже на следующем этапе.

Наряду с серьезными рисками ухудшения качества образования, слабо контролируемое расширение его коммерческого сектора таит в себе опасность усиления профессионально-квалификационного дисбаланса, когда полученные выпускниками знания и навыки не находят применения на занимаемых ими рабочих местах, а в экономике обостряется структурный дефицит работников (Соболева, 2022. С. 989–1008). Насколько отражает эту проблему распределение ответов на вопрос, позволяет ли существующая система профессионального образования удовлетворить потребности национального рынка труда? При ответе на него мнения распределились практически поровну. 43,8% респондентов с той или иной степенью категоричности поддерживают точку зрения, что система образования со своей основной экономической функцией не справляется. Примерно столько же экспертов (42,8%) придерживаются противоположной точки зрения. 13,7% (примерно один из семи) не имеют сложившегося мнения. С учетом обостряющейся нехватки работников самых различных профилей и фиксируемого Росстатом на протяжении последних десяти лет устойчивого расхождения профиля образования работников и занимаемых ими рабочих мест такой результат экспертного опроса вызывает, мягко говоря, удивление.

Следует отметить, что в своей оценке соответствия пропорций системы профессионального образования и потребностей рынка труда эксперты РАН и отраслевых НИИ оказались более пессимистичны (и, по нашему мнению, ближе к реальности) по сравнению с представителями вузовской науки. Среди них более половины (55,7%) придерживаются мнения, что на сегодняшний день существующая система профессионального образования удовлетворить потребности национального рынка труда не позволяет, а противоположного – лишь менее 4 из 10 экспертов (38,2%). Для представителей вузовской науки соответствующие доли составляют 53,2 и 40,7%, т.е. перевес в пользу оптимистов.

В возрастном разрезе предсказуемо наиболее оптимистично по отношению к выполнению системой образования своей основной экономической функции настроены самые молодые эксперты (см. табл. 2.20).

В условиях резкого ускорения технологического развития, сопряженного со стремительными сдвигами в требованиях работодателей, отмиранием традиционно востребованных профессий и специальностей и появлением спроса на иной круг компетенций, обострение структурных диспропорций на рынке труда представляется неизбежным и выставляет новые требования к системе образования. От поиска компромисса между потребительским спросом со стороны населения на получение образования того или иного профиля и ориентацией на удовлетворение потребностей экономики в соответствии с прогнозируемой структурой спроса на труд проблема перемещается в несколько иную плоскость. Уязвимым звеном становятся сами механизмы подстройки системы образования под будущие потребности экономики, контуры которых достаточно туманны и трудно поддаются прогнозированию.

В этих условиях наиболее плодотворной стратегией видится переход от системы образования, «спрессованной» на ранних этапах человеческой жизни, к непрерывному образованию в течение всей жизни, когда в молодых возрастах закладывается прежде всего фундамент, базовые навыки и способности к непрерывному усвоению нового, гибкой перестройке квалификационного профиля. Первым шагом здесь является установка на ускоренное расширение системы профессиональной переподготовки, переобучения, вовлечение в этот процесс возможно большего числа работников разных возрастов (Баскакова, Чубарова, 2021). В связи с этим весьма важным является вопрос об источниках финансирования и распределении издержек дополнительного образования.

Большинство опрошенных экспертов возлагают обязанность финансирования непрерывного профессионального образования прежде всего на государство (61,4%) и на работодателей (57,9%). Лишь менее трети (31,9%) полагают, что инвестиции в повышение своей квалификации и расширение круга компетенций должен осуществлять сам работник из собственного кармана. Один из четырех экспертов (23,3%) видит возможность привлечения к финансированию непрерывного профессионального образования других субъектов помимо государства, работодателя и самого работника. Возможно, здесь имеются в виду некоммерческие организации. В целом однако можно констатировать, что в нашем

экспертном сообществе преобладают скорее патерналистские настроения. Об этом свидетельствует прежде всего высокая доля респондентов, полагающих, что для развития системы непрерывного образования необходимы целенаправленные действия и финансовые вливания государства, но в первую очередь то обстоятельство, что подавляющее большинство экспертов снимает ответственность за наращивание и модернизацию своего человеческого капитала с самого работника.

Несмотря на неоднозначность мнений экспертов в отношении того, насколько эффективно сложившаяся на сегодняшний день в России система образования выполняет свои основные функции, их общая оценка государственной политики в сфере образования носит скорее негативный характер. Положительно и скорее положительно политику в этой сфере оценивает лишь каждый пятый эксперт (21,1%). В то же время 42,7% дают ей отрицательную или скорее отрицательную оценку. Несколько более лояльно на фоне других категорий экспертов оценивают политику государства в сфере образования эксперты, не имеющие ученой степени, молодежь (моложе 35 лет) и представители вузовской науки, среди которых доля положительных и скорее положительных оценок составила 27,4, 31,5 и 25,2% соответственно.

2.5. Современные проблемы здравоохранения

Большая часть экспертов выделили в качестве основных причин плохого здоровья два фактора — нездоровый образ жизни (72,6%) и недоступность качественной медицинской помощи (70,6%) (табл. 2.21). На третьем месте по значимости — низкие доходы, бедность (63,9%), на четвертом — негативное воздействие окружающей среды (52,6%), далее, с большим отрывом, — опасные условия труда (32,7%) и плохое жилье (21,3%). Таким образом, эксперты подтвердили, что не только доступность и качество медицинской помощи определяют состояние здоровья. Есть и другие факторы, которые лежат за пределами узкопонимаемой системы здравоохранения, но оказывают влияние на здоровье. Лидирующие же позиции нездорового образа жизни в мнении экспертов можно объяснить активной пропагандой здорового образа жизни, которая в настоящее время ведется в России.

Следует отметить, что практически не наблюдается существенных гендерных различий в оценке главных причин нездоровья. Вместе с тем эксперты разного возраста выделяют различные факторы: молодые люди и люди среднего и предпенсионного возраста считают нездоровый образ жизни основной причиной нездоровья, в более старшем возрасте на первое место по значимости выходят недоступность качественной медицинской помощи (75% в возрасте 66–75 лет) и низкие доходы (75% в возрасте старше 75 лет) (табл. 2.22).

В настоящее время в России (и не только) на фоне обострения социально-экономической ситуации возникает необходимость поиска источников, которые бы обеспечили устойчивое финансирование здравоохранения. В этом контексте остро стоит вопрос о возможностях и ограничениях участия граждан в оплате медицинских услуг. В настоящее время во многих странах растет доля так называемых выплат из кармана, когда пациент оплачивает услугу в момент ее получения. Более половины экспертов (56,2%) отрицательно относятся к тому, что гражданам приходится платить «из собственного кармана» при получении медицинской помощи (отрицательно – 23,9% и скорее отрицательно – 32,3%) (табл. 2.23).

Мнение экспертов практически не зависит от их пола, но тесно связано с возрастом: чем старше эксперты, тем выше среди них доля тех, кто негативно относится к тому, что гражданам приходится самим оплачивать получение медицинской помощи (среди тех, кому меньше 35 лет, – 49,2%, 35–49 лет – 52,6%, 50–65 лет – 55,4%, 66–75 лет – 56,7%, старше 75 лет – 67,9%) (табл. 2.24). Это вполне объяснимо, так как с возрастом потребность в медицинской помощи увеличивается и одновременно возрастает и вероятность потери части дохода в связи с ограничениями в трудовой деятельности (выход на пенсию).

Важную роль в современном дискурсе в здравоохранении играют вопросы неравенства, которые чаще всего обсуждаются в контексте факторов здоровья. В этой связи важная тема – какое неравенство в состоянии здоровья можно считать справедливым, а какое нет. Исследования показывают, что уровень доходов является важным фактором, определяющим здоровье, и у более обеспеченных граждан его состояние лучше, чем у малообеспеченных. Это, в частности, объясняется тем, что граждане, имеющие больше

средств, могут позволить себе медицинскую помощь лучшего качества. Большая часть экспертов (78%) не считают справедливым неравенство в медицинском обслуживании обеспеченных граждан и бедного населения (табл. 2.25).

Таким образом, эксперты по существу «проголосовали» за необходимость солидарной системы здравоохранения, где риски распределяются в зависимости не от дохода, а от потребности. Преодоление неравенства в доступности и качестве медицинской помощи во многом определяется системой организации и финансирования, которая формируется в той или иной стране. В России в начале 1990-х гг. была сделана ставка на переход от бюджетной системы к обязательному медицинскому страхованию (ОМС). В целом оценки ОМС экспертами довольно разные. Треть опрошенных экспертов (36,6%) оценивают созданную в России систему обязательного медицинского страхования отрицательно (табл. 2.26). При этом мужчины чаще женщин высказывают негативное отношение (41,9% против 31,4%).

С возрастом негативное отношение к созданной в России системе обязательного медицинского страхования увеличивается: доля экспертов с негативной оценкой составляет 26,2% в возрастной группе до 35 лет, 32,1% – в группе 35–49 лет, 40,1% – в группе 50–65 лет, 45% – в группе 66–75 лет, 39,6% – с в группе старше 75 лет (табл. 2.27).

Вместе с тем почти 24% респондентов относятся к российскому ОМС положительно, а около 40% – нейтрально, т. е. по существу не имеют мнения на этот счет. Здесь можно предложить различные интерпретации. Прежде всего, возможно, что не все респонденты часто сталкивались с системой ОМС и поэтому не смогли сформировать свое мнение о ее работе. Поскольку возраст является фактором увеличения потребности в медицинской помощи, то пожилые возможно более критичны, так как часто обращаются за ней. При этом интересно, что среди граждан старше 75 лет выше положительная оценка, они сближаются с молодежью до 35 лет, а самые «недовольные» – в возрасте 66–75 лет.

Возможно, это объясняется самой выборкой – когда эксперты отвечают на более абстрактные вопросы, то ответы представляются более логичными. Так, большая часть экспертов (62,6%) полагает,

что финансирование здравоохранения должно осуществляться за счет сочетания бюджетных средств с обязательным страхованием — а это ведь и есть реальная современная модель России, которая оценивается более противоречиво! На втором месте по предпочтению находится финансирование из средств федерального и регионального бюджетов (56,7%). Меньшей поддержкой среди экспертов пользовалось частное финансирование медицинского обслуживания (21,1%). Причем среди его сторонников больше мужчин (27,5%), чем женщин (15%).

Чем старше эксперты, тем выше среди них поддержка финансирования здравоохранения за счет сочетания бюджетных средств с обязательным медицинским страхованием и меньше — частного финансирования.

Таким образом, эксперты в целом выступают за общественное финансирование здравоохранения, к которому по международной классификации относятся бюджет и обязательное медицинское страхование. Общественное финансирование связывается с высоким уровнем перераспределения в системе и позволяет «оторвать» привязку получения медицинской помощи к доходу. Почти половина экспертов согласна на сочетание общественного и частного финансирования. Эта тематика в настоящее время распространена в экономике здравоохранения, обсуждается проблема поиска их оптимального сочетания в условиях его жесткого бюджета. Тем не менее в целом 20% респондентов выбрали частное финансирование. Оно обычно включает частное медицинское страхование и «выплаты из кармана». Возможно, это объясняется разочарованием в медицине, оплачиваемой из общественных источников, либо тем, что респонденты, имея соответствующий доход (или место работы), готовы рассмотреть возможность выйти из общественной системы и самим оплачивать медицинскую помощь.

В связи с проблемой сочетания частного и государственного в здравоохранении в России обсуждаются несколько вопросов. Например, один из них касается использования кадрового потенциала здравоохранения, в частности, возможна ли ситуация, когда врачи государственных медицинских организаций работают и в частном секторе. Большая часть экспертов (72,3%) согласны с тем, что врачи государственных клиник могут работать по совме-

стителъству в частных медицинских организациях (табл. 2.28). Эксперты-женщины чуть чаще мужчин отвечали утвердительно на этот вопрос (74,5% против 70%).

Ответ на этот вопрос выявил некоторые различия между возрастными группами экспертов: молодые люди чаще по сравнению с другими возрастными группами соглашались с тем, что врачи государственных клиник могут работать по совместительству в частных медицинских организациях (80,3% против 79,4% для 35–49 лет, 69,6% для 50–65 лет, 63,3% для 66–75 лет, 54,7% для тех, кто старше 75 лет) (табл. 2.29). Эксперты, относящиеся к самой старшей возрастной группе, чаще других сомневались в возможности для врачей совмещать работу в государственных и частных медицинских организациях. Причина таких сомнений понятна: дефицит кадров в государственном здравоохранении; перегрузка; возможность пренебрежения своими обязанностями в государственных организациях.

Другая важная проблема состоит в том, должны ли частные медицинские организации быть включены в систему ОМС – в настоящее время в России такая возможность существует. Клиники, соответствующие определенным стандартам, могут обслуживать пациентов по ОМС, получая за это соответствующее вознаграждение, причем тарифы такие же, как и для государственных организаций. Три четверти экспертов (75%) полагают, что частные медицинские организации могут участвовать в обязательном медицинском страховании (табл. 2.30). Среди женщин таких чуть больше, чем среди мужчин (80,5 против 73,5%).

Мнение респондентов о том, могут ли страховые компании выступать посредниками в обязательном медицинском страховании, зависит от возраста: чем моложе эксперты, тем чаще они утвердительно отвечают на вопрос (среди тех, кому меньше 35 лет – 65,2%, 35–49 лет – 58,1%, 50–65 лет – 46,7%, 66–75 лет – 45,0%, старше 75 лет – 35,8%) (табл. 2.31). С возрастом увеличивается число затруднившихся ответить.

Одним из самых проблемных вопросов для системы здравоохранения является лекарственное обеспечение, на которое расходуются значительные средства. В настоящее время в России бесплатные лекарства получают пациенты в больницах, инвалиды и некоторые другие социальные категории, а также имеющие опре-

деленные хронические заболевания, например, сахарный диабет и бронхиальную астму, перенесшие инфаркт миокарда (бесплатно в течение первых шести месяцев после инфаркта). Остальные граждане приобретают лекарственные средства за свой счет, в том числе и при наличии рецепта. Это ведет к тому, что пациенты в ряде случаев или тратят на лекарства значительную часть своего бюджета, или отказываются от их покупки и тем самым не выполняют протоколы лечения, т. е. финансовое состояние граждан не учитывается при современной организации лекарственного обеспечения. Поэтому в такой ситуации активно обсуждается вопрос, как обеспечить всем гражданам доступ к необходимым лекарственным препаратам. Мировая практика показывает, что здесь возможны различные меры – со стороны как спроса, так и предложения.

В качестве основных способов того, как должно быть организовано обеспечение населения лекарственными средствами, эксперты выбрали бесплатность для льготных категорий (55,5%), государственный контроль за ростом цен на лекарства (52,4%) и включение лекарств в систему медицинского страхования (50,7%). Меньшей популярностью у экспертов пользовалось предоставление скидок для покупки лекарств по рецептам (36,5%) (табл. 2.32). Были зафиксированы небольшие гендерные различия в ответе на этот вопрос: эксперты-женщины отдавали предпочтение бесплатности лекарств для льготных категорий (57,5%) и государственному контролю за ростом цен на лекарства (56,3%); мужчины помимо бесплатного обеспечения лекарственными средствами льготных категорий (53,5%) чаще называли включение лекарств в систему медицинского страхования (53,8%).

Таким образом, опрос показал, что половина респондентов высказалась за использование мер со стороны предложения, а именно – регулирование цен на лекарства. В России эта мера используется, разработан Перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов для медицинского применения (ЖНВЛП), который каждый год уточняется. Государственное регулирование цен входящих в него препаратов осуществляется путем регистрации предельных отпускных цен производителей на федеральном уровне и установления предельных оптовых и розничных надбавок на региональном уровне. Зарегистрированные предельные отпускные цены производителей вносятся в государственный реестр цен.

Так же половина респондентов отметила важность лекарственного страхования. Это система, при которой всем гражданам в той или иной форме компенсируется стоимость лекарств полностью или частично. В России дебаты о внедрении такой системы идут давно, один из обсуждаемых вариантов — компенсация расходов на лекарства по рецепту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем докладе представлены результаты тестирования предложенной ранее концепции «Провал общества» с помощью уникальной социологической информации. Исследование основано на данных «Первого социологического опроса экспертного сообщества экономистов», проходившего в период с апреля по июль 2023 г. В анкетировании приняли участие члены Новой экономической ассоциации и докладчики «РЭК–2023». Основой выборки стали респонденты, обладающие ученой степенью кандидата и доктора наук, либо имеющие PhD и трудящихся в высших учебных заведениях и научных институтах.

Среди результатов тестирования гипотез в отношении функционирования общества в патерналистском государстве стоит отметить подтверждение предположения о наличии провала государства в комбинации с провалом общества. Социологические данные, пусть и в первом приближении, позволяют сделать вывод о произвольном характере выбора общественных целей со стороны представителей патерналистского государства. Одновременно с этим «иммунная система» социума не препятствует такому выбору, который может содержать направления, не соответствующие истинным интересам общества.

Экспертная оценка отраслей гуманитарного сектора экономики также позволила подтвердить взгляд авторов доклада на существующие противоречия в сферах культуры, науки, образования и здравоохранения. Резюмируя ответы респондентов по различным блокам анкеты, можно выделить некоторые общие мнения:

- заметно влияние текущих патерналистских установок на развитие экономики в стране;
- слабость институтов гражданского общества;
- несоответствие части принимаемых политических решений ожиданиям экспертного сообщества;
- недостаточное финансирование отраслей гуманитарного сектора;
- недостаточная доступность благ, создаваемых в отраслях гуманитарного сектора.

В завершение отметим, что предложенные к экспертной оценке проблемы в рамках «Первого социологического опроса экспертного сообщества экономистов» являются лишь малой частью интересующих экономистов вопросов, требующих проверки с помощью социологической информации. Данный доклад является отправной точкой в развитии нового проекта Новой экономической ассоциации в сотрудничестве с партнерами, целью которого является формирование современной открытой базы данных социологической информации.

Уникальность формируемой информационной базы состоит в использовании преимуществ особой «естественной» выборки респондентов. Существующие респонденты являются верифицированными экспертами в экономической науке, принимающими активное участие в жизни сообщества. При этом основным правилом наполнения блоков вопросов для новых волн социологического опроса экспертного сообщества экономистов должен стать принцип совместного формирования участниками НЭА проблем и исследования на стыке взаимодействия общества, государства и индивидов в условиях рыночного функционирования экономики.

ЛИТЕРАТУРА

- Абанкина И.В., Семенова К.А. (2023). Образование: инвестиции в будущее / Гуманитарный сектор патерналистского государства / Под общ. ред. А.Я. Рубинштейна. СПб.: Алетейя.
- Алмонд Г., Верба С. (2014). Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль.
- Ананьин О.И., Воейков М.И., Гловели Г.Д., Городецкий А.Е., Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. (2018). На пути к новой экономической теории государства / Под ред. А.Я. Рубинштейна. М.: ИЭ РАН.
- Аузан А.А. (2022). Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: АСТ, 2022.
- Бакеев М.Б., Лола И.С. (2023). Использование опросов-самоотчетов в экономической науке: методологические барьеры и их преодоление // Вопросы экономики. № 9. С. 103–120.
- Баскакова М.Е., Чубарова Е.В. (2021). Непрерывное образование в России как механизм воспроизводства человеческого потенциала: гендерный аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. №4. С. 169–184.
- Бураков Н.А. (2021). Нематериальные активы и экономический рост в отрасли культуры // Вопросы теоретической экономики. № 4. С. 92–104.
- Бураков Н.А., Рубинштейн А.Я. (2021). Эволюция патерналистского государства: общественный выбор и наукометрия. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН (препринт).
- Бураков Н.А., Славинская О.А. (2022). Креативные индустрии, экономический рост и рынки труда // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (54). С. 234–242.
- Геллер М. (1997). История Российской империи: в 3 т. М.: МИК.
- Гудков А.Д. (2022). Инерция государственного патернализма и его последствия // Журнал Новой экономической ассоциации. №5 (57). С. 153–161.
- Гуманитарный сектор патерналистского государства / Под ред. А.Я. Рубинштейна (2023). СПб.: Алетейя.
- Истоки: 150 лет маржиналистской революции / редкол.: В. С. Автономов (гл. ред.), О. И. Ананьин (зам. гл. ред.), А. В. Галеев (отв. секр.) и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» (2023). М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

- Константиновский Д.А., Вахитайн В.С., Куракин Д.Ю., Рощина Я.М. (2006). Доступность качественного общего образования: возможности и ограничения. М.: Логос.
- Либман А. (2007). Современная экономическая теория: основные тенденции // Вопросы экономики. №3. С. 36–54.
- Либман А. (2008). Теоретические и эмпирические исследования в современной экономике: проблемы коммуникации // Вопросы экономики. №6. С. 4–20.
- Мертон Р. (2006). Социальная теория и социальная структура: пер. с англ. М.: АСТ, Хранитель.
- Музыкачук В., Хаунина Е. (2016). Институциональные новации в финансировании культуры. М.: ИЭ РАН.
- Радаев В. (2007). Что такое рынок: экономико-социологический подход // Экономическая социология. №1. С. 9–26.
- Ронкалья А. (2018). Богатство идей: история экономической мысли. М.: Изд. дом ВШЭ. [Roncaglia A. (2018). The wealth of ideas: A history of economic thought. Moscow: HSE Publ. (In Russian).]
- Рубинштейн А.А. (2019). О провалах государства и несостоявшихся реформах в гуманитарном секторе // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 116–132.
- Рубинштейн А.А. (2023). Эволюция государства и провал общества: теоретические заметки // Экономическая наука современной России. №1. С. 33–47.
- Рубинштейн А.А., Бураков Н.А. (2020). Теоретические и прикладные аспекты измерения потенциалов экономического развития регионов России // Пространственная экономика. №1. С. 24–50.
- Рубинштейн А.А., Городецкий А.Е. (2018). Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ // Journal of Institutional Studies. Т. 11. №4. С. 38–57.
- Рубинштейн А.А., Слуцкий Л.Н. (2018). «Multiway data analysis» и ранжирование экономических журналов // Прикладная эконометрика. Т. 50. С. 90–113.
- Рубинштейн А.А., Соколова Е.К., Дудкина Е.А. (2022). Гражданское общество, социальные сети и культурная активность в цифровой среде // Terra Economicus. Т. 20. №2. С. 111–131.
- Славинская О.А. (2020). Анализ рынка труда в театральной сфере / Сцена. № 3 (125). С. 4–12.
- Славинская О.А. (2021). Теоретические закономерности и особенности рынка труда в сфере искусства / Культурологические записки. Вып. 18. Культурная политика: политика или культура?: Сб. статей / Отв. ред. Г.М. Юсупова. М.: Государственный институт искусствознания. С. 33–45.

- Соболева И.В. (2022). Профессионально-квалификационный дисбаланс как вызов экономической и социальной безопасности // Экономическая безопасность. Т. 5. № 3. С. 989–1008.
- Танган А.С. (1989). Интерпретация диктатора в модели Эрроу как представителя коллектива. Существование диктаторов-представителей // Математическое моделирование. Т. 1. №7. С. 51–67.
- Федеральный закон от 27 сентября 2013 г. № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
- Хавенсон Т.Е., Чиркина Т.А. (2018). Эффективно поддерживаемое неравенство. Выбор образовательной траектории после 11-го класса школы в России // Экономическая социология. №5(19). С. 66–89.
- Хаунина Е.А. (2012). «Процентная филантропия» – дополнительный финансовый ресурс для организаций социально-культурной сферы // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2(14). С. 141–143.
- Хаунина Е.А. (2013а). «Процентная филантропия» – проблемы трансплантации успешного института финансовой поддержки культурной деятельности / Экономика культуры: новый ракурс старых проблем / Отв. ред. А.Я. Рубинштейн, В.Ю. Музычук. М.: ИЭ РАН. С. 164–179.
- Хаунина Е.А. (2013б). «Процентная филантропия» как новый источник финансовых ресурсов для социально-культурного сектора // Справочник руководителя учреждения культуры. № 10. С. 51–58.
- Хаунина Е.А. (2015). От церковного налога к институту индивидуальных бюджетных назначений / К проекту закона «О культуре в Российской Федерации». Материалы исследований. М.: Государственный институт искусствознания. С. 114–121.
- Akerlof G. (1989). The Economics of Illusion // Economics & Politics. Vol. 1. Pp. 1–15.
- Armantier O., Bruine de Bruin W., Potter S., Topa G., van der Klaauw W., Zafar B. (2013). Measuring inflation expectations // Annual Review of Economics. Vol. 5. No. 1. Pp. 273–301.
- Avtonomov V., Avtonomov Y. (2019). Four methodenstreits between behavioral and mainstream economics // Journal of Economic Methodology. Vol. 26. No. 3. Pp. 179–194.
- Backhouse R.E., Cherrier B. (2017). The age of the applied economist: The transformation of economics since the 1970s. // History of Political Economy. Vol. 49. Supplement. Pp. 1–33.

- Baumol W.J., Bowen W.G.* (1966). *The Performing Arts: The Economic Dilemma. A study of Problems Common to Theatre, Opera, Music and Dance.* New York: The Twentieth Century Fund.
- Blanchflower D. G., Oswald A. J.* (1992). Entrepreneurship, happiness and supernormal returns: Evidence from Britain and the US. NBER Working Paper. No. 4228.
- Blinder A.* (1991). Why are prices sticky? Preliminary results from an interview study // *American Economic Review*. Vol. 81. No. 2. Pp. 89–96.
- Boulier B.L., Goldfarb R.S.* (1998). On the use and nonuse of surveys in economics // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 5. No. 1. Pp. 1–21.
- Clark A.E., Oswald A.J.* (1996). Satisfaction and comparison income // *Journal of Public Economics*. Vol. 61. No. 3. Pp. 359–381.
- Croushore D., Stark T.* (2019). Fifty years of the survey of professional forecasters // *Economic Insights*. Vol. 4. No. 4. Pp. 1–11.
- Curtin R.T.* (2002). Surveys of consumers: Theory, methods, and interpretation. Paper presented at the NABE 44th Annual Meeting, Washington, DC, September 30.
- Delavande A.* (2014). Probabilistic expectations in developing countries // *Annual Review of Economics*. Vol. 6. No. 1. Pp. 1–20.
- Desvousges W.H., Johnson F.R., Dunford R.W., Hudson S.P., Wilson K.N., Boyle K.J.* (1993). Measuring natural resource damages with contingent valuation: Tests of validity and reliability. In: J. A. Hausman (ed.). *Contributions to economic analysis*. Vol. 220. Amsterdam: Elsevier. Pp. 91–164.
- Easterlin R.* (1974). Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. In: P.A. David, M.W. Reder (eds.). *Nations and households in economic growth*. New York and London: Academic Press. Pp. 89–125.
- Edwards J.M.* (2012a). Observing attitudes, intentions, and expectations (1945–1973) // *History of Political Economy*. Vol. 44. Supplement 1. Pp. 137–159.
- Edwards J.M.* (2012b). The history of the use of self-reports and the methodology of economics // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 19. No. 4. Pp. 357–374.
- Foray D.* (2004). *The Economics of Knowledge*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Friedman M.* (1953). *Essays in positive economics*. Chicago: University of Chicago Press.
- Ginsburgh V.A., Throsby D.* (eds.) (2006). *Handbook of the Economics of the Arts and Culture*. Amsterdam; Boston [Mass]: Elsevier North-Holland.
- Kaiser C., Oswald A. J.* (2022). The scientific value of numerical measures of human feelings. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 119. No. 42. article e2210412119. <https://doi.org/10.1073/pnas.2210412119>

- Kahneman D., Tversky A.* (1972). Subjective probability: A judgment of representativeness // *Cognitive Psychology*. Vol. 3. Issue 3. Pp. 430–454.
- Katona G.* (1951). *Psychological analysis of economic behavior*. New York: McGraw-Hill.
- Krueger A.* (1990). Government failures in development // *Journal of Economic Perspectives*. No. 4. Pp. 9–23.
- Lester R.A.* (1946). Shortcomings of marginal analysis for wage-employment problems // *American Economic Review*. Vol. 36. No. 1. Pp. 63–82.
- Lester R.A.* (1947). Marginalism, minimum wages, and labor markets // *American Economic Review*. Vol. 37. No. 1. Pp. 135–148.
- Machlup F.* (1946). Marginal analysis and empirical research // *American Economic Review*. Vol. 36. No. 4. Pp. 519–554.
- Machlup F.* (1947). Rejoinder to an antimarginalist // *American Economic Review*. Vol. 37. No. 1. Pp. 148–154.
- Manski C.F.* (2004). Measuring expectations // *Econometrica*. Vol. 72. No. 5. Pp. 1329–1376.
- Mayer T.* (1993). *Truth versus precision in economics*. Aldershot: Edward Elgar.
- Nerb G.* (2005). Survey activity of the ifo institute. In: B. J.-E. Sturm, T. Wollmershauser (eds.). *Ifo survey data in business cycle and monetary policy analysis*. Contributions to economics. Heidelberg: Physica-Verlag. Pp. 1–15.
- Nordhaus W.* (2008). Baumol's Diseases: A Macroeconomic Perspective, Contributions to Macroeconomic // *Berkeley Electronic Press*. Vol. 8(1). Pp. 1–39.
- Shiller R.J.* (1991). Why are prices sticky? Discussion // *American Economic Review*. Vol. 81. No. 2. Pp. 97–98.
- UNDP (United Nations Development Programme) (2022). *Human Development Report 2021–22: Uncertain Times, Unsettled Lives: Shaping our Future in a Transforming World*. New York.
- Wolf Jr.Ch.* (1979). A theory of nonmarket of failure: Framework for implementation analysis // *The Journal of Law & Economics*. Vol. 22. Issue. 1(April). Pp. 107–139.

Редакционно-издательский отдел:
Тел.: +7 (499) 129 0472
e-mail: print@inecon.ru
сайт: www.inecon.ru

Препринт научного доклада

ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО
И ГУМАНИТАРНЫЙ СЕКТОР:
РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА

Оригинал-макет – Валериус В.Е.
Редактор – Ерзнкян М.Д.
Компьютерная верстка – Хацко Н.А.

Подписано в печать 26.12.2023 г.
Заказ № 30. Тираж 300. Объем 2,4 уч. изд. л.
Отпечатано в ИЭ РАН